

УДК 81'38; 81'42

ОЦЕНКА КАК ВЫБОР ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Наталья Васильевна Данилевская
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

Статья посвящена обоснованию понятия интеллектуальной оценки и ее роли в научном дискурсе. Рассматривается содержание интеллектуальной оценки – ее когнитивный и эмотивный планы. Осуществляется попытка комплексного анализа научного текста в аспекте текстообразующей функции интеллектуальной оценки.

Ключевые слова: познавательная деятельность; научный дискурс; оценка.

По мнению Ф.Кликса, язык представляет собой мыслительный процесс, основанный на использовании знаний, содержащихся в голове человека [Кликс 1983: 259]. При этом все объяснения реальных (и идеальных) объектов выступают в форме их вербализованного описания, т.е. представляют собой языковой *текст* – устный или письменный. Иначе говоря, в основе текста как вербального продукта познания действительности лежит знание как процесс и результат познавательной деятельности человека.

Функционально-стилистический анализ целого научного текста позволяет рассмотреть *знание* с точки зрения его фиксации, текстообразующей роли, т.е. в плане отражения его формирования и выражения в тексте с акцентом на процессе производства *нового знания* по отношению к наличной системе научной информации. В этом смысле *знание* оказывается неким центром познавательной деятельности как таковой, ее целью, смыслом и содержанием.

Понимаемое таким образом *знание* как объект анализа научного текста предстает в виде целого, а его составляющими (по закону “часть – целое”) являются *старое (известное) знание* и *новое (неизвестное) знание* как компоненты развиваемого и выражаемого автором в тексте концептуального знания о предмете (явлении, свойстве) действительности.

Деление научного знания на компоненты “старое – новое” связано с самой природой познания, т.е. имеет гносеологические корни. Так, например, в психологии и философии высшим уровнем понимания считается момент непонимания [Леонтьев 1975, Лурия 1975; Розов 1977; Гусев, Тульчинский 1985; Мамчур, Овчинников, Уемов 1989 и др.], когда постигнутое и

освоенное знание вынуждает субъекта фиксировать в своем сознании переход на следующий виток осмысления действительности, т.е. переход к рождению нового знания. Ср. мысль о том, что высший уровень понимания не вынуждает заранее согласиться с постигаемым, напротив, он “по иному использует текст – не для стимуляции новых текстов, но для стимуляции превращения собственного сознания в способное ассимилировать новую реальность” [Мухелишвили, Шрейдер 1989: 14]. Иными словами, с высшим уровнем понимания мы сталкиваемся тогда, когда деятельность, направленная на постижение действительности, подводит нас к необходимости преобразования как собственной, так и общенаучной системы знания, к ментальному творчеству по выработке *нового знания*. Следовательно, можно говорить о том, что знание, представленное как единство противоположностей “старое – новое”, обладает текстообразующим потенциалом и может быть рассмотрено с этой точки зрения.

Компоненты старого (известного) и нового (неизвестного) знания – это материализованные в поверхностной ткани произведения аксиологически определенные смыслы, в своей целостности репрезентирующие пошаговую динамику познавательно-коммуникативной деятельности ученого, направленной на выработку и обоснование в тексте *нового научного знания*. Понимаемые таким образом, старое и новое знание являются текстовыми единицами, т.е. *выражают типовую содержательно-смысловую структуру научного произведения, связаны с реализацией познавательной целеустановки автора и его ориентации на читателя в процессе креативной деятельности, характеризуются структурно-*

содержательной целостностью и текст-строительной функцией. При этом взаимодействие компонентов старого и нового знания в процессе развертывания текста обеспечивает его содержательную, смысловую и композиционную целостность.

Существенно то, что в процессе объективации в речевой ткани произведения научного знания более важным оказывается не *научно старое*, т.е. уже известное науке, зафиксированное в каких-либо предшествующих текстах (интертекстуальное знание), а *коммуникативно*, или **контекстуально старое**, известное из левого контекста данного конкретного научного произведения (интратекстуальное знание), т.е. знание, посредством которого в определенном дискурсе идет поэтапное развитие научной концепции, когда новое “выдается” автором по незначительным крупницам на фоне неоднократно воспроизведенного предшествующего знания, ставшего в силу своей коммуникативной узнаваемости ясным для читателя. Иначе говоря, контекстуально известное знание служит в тексте интеллектуально-мнестическим проводником нового, которое оказывается возможным и коммуникативно релевантным только на основе первого.

Ср., например, такие частотные в научных текстах средства, как *ранее мы отмечали, что; в предшествующем разделе мы говорили о том, что; как мы подчеркивали; как было отмечено ранее; мы неоднократно упоминали о; подчеркнем / повторим / напомним еще раз* и т.п. С помощью таких единиц в ткань текста вводятся повторы тех компонентов знания, которые непосредственно относятся к авторской концепции, т.е. собственно новому научному знанию.

По мере перехода гипотетического знания во все более доказанное растет уровень концентрации контекстуально старого знания на страницу текста, что связано с процессом накопления знания об исследуемом объекте в рамках отдельно взятого коммуникативного акта. Поэтому во второй половине текстового пространства и особенно на завершающих этапах его развертывания появляется эффект “смысловой атаки” (со стороны автора) новым знанием на воспринимающе-интерпретирующую деятельность читателя: в этих частях текста элементы нового концептуального знания особенно частотны, при этом они буквально “утопают” в окружении элементов контекстуально известного (уже прочитанного реципиентом в предшествующей части текста) знания. Поэтому в таких фрагментах научно новое знание характеризуется наибольшей плотностью на единицу текстового пространства, а интенсивность его выражения достигает наивысшей силы. Фрагменты текста, которым свойст-

венна наибольшая плотность нового научного смысла (это обычно фрагменты, посвященные обоснованию и обобщению авторской гипотезы), можно назвать частями “концептуального взрыва”. Здесь обычно уже незначителен объем интертекстуального знания, но зато существенно увеличивается объем собственно авторского, нового знания, а соответственно – плотность интратекстуального чередования, связанного с формированием и выражением именно нового знания [Данилевская 2001: 196-204].

Сказанное позволяет рассматривать взаимодействие компонентов старого и нового знания в качестве **механизма текстообразования** в научной сфере деятельности.

Вместе с тем это действительно лишь механизм развертывания познавательного дискурса. Как и всякий механизм, он имеет, если можно так сказать, свою энергию, свой когнитивный стимул-мотор, в качестве которого выступает, по нашим наблюдениям, **оценка**. И это вполне закономерно, поскольку операция оценивания лежит в самой природе сознания и познания как целенаправленной деятельности. Еще А.А. Потебня подчеркивал, что в языке все оценочно, а выражение мысли всегда сопровождается сопоставлением с иной мыслью.

Искомое, как правило, выступает в виде некоторой проблемы, возникающей под влиянием новых потребностей, порождаемых уже достигнутым уровнем знаний. Значит, поиск никогда не начинается с нуля, а ведется при наличии какого-то минимума информации, которая используется ученым либо в качестве опоры (позитивная оценка наличного), либо отвержения (негативная оценка наличного). При этом оценка наличного оказывается одновременно оценкой *нового*, выраженной в изложении открыто или “спрятанной” в подтексте. Знание может считаться научным лишь при выявлении автором определенных отношений, характера связей или зависимостей между *новым* и существующими научными теориями. Таким образом, *новое* возникает как акт оценки “старого”, причем сама оценка совершается в терминах возникающего нового знания [Петров 1991: 65].

Таким образом, можно считать, что научное знание в целом (и новое, в частности) **изначально оценочно**, или – шире – **аксиологично**. Аксиологический характер научного знания порождается самой природой научного творчества как специфической отрасли человеческой деятельности, направленной на формирование ценностной информации об объективном мире. Так, целью всякого научного поиска является открытие и формулирование какого-либо свойства объекта действительности, закономерности или закона

его функционирования и пр. При этом всякий акт поиска, фиксируемый в тексте, уже потенциально “претендует” на то, чтобы быть истиной, или, в терминах аксиологии, – научной ценностью. Последняя же возможна именно как высший уровень аксиологической цепочки, характеризующей специфику познавательной деятельности в науке: оценка — норма / закон / закономерность / тенденция — ценность. Иными словами, оценка – это первый необходимый шаг в движении знания от не-знания к знанию в его новой (впервые устанавливаемой ученым в тексте) или обновленной ипостаси. И в этом смысле вполне правомерно говорить о принципиальной важности оценки для процесса выработки и формирования *нового* научного знания.

Посредством интертекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия научно старого и научно нового знания) научный текст реализуется как факт социально значимого явления. Посредством интратекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия коммуникативно старого и коммуникативно нового знания) в тексте осуществляется **динамика** самой мысли, ее поэтапного перехода от старого знания, уже известного в данном дискурсе, к новому, еще не выраженному. При этом важно, что именно оценка является основой формирования и развертывания в тексте концептуального знания. Эксплицитно или имплицитно выраженная, она всегда связана с авторским выбором той или иной концепции, идеи или просто суждения, мнения, утверждения, факта как определенной (позитивной или негативной) научной ценности. По мнению В.Ф.Навозова, С.Б.Крымского, В.С.Швырева, В.С.Библера, А.А.Ивина и др., оценка задает перспективу познавательного процесса и служит первым необходимым шагом в движении познания от не-знания к знанию, т.е. от проблемной ситуации и проблемы — к новой научной теории [Навозов 1969; Крымский 1974; Швырев 1984; Библер 1998; Ивин 2000].

По мнению В.С.Швырева, степень «вращенности» субъекта в определенный способ видения действительности предполагает субъект-объектные отношения “встречи” различных сознаний, соотнесение их позиций и соответствующего их перестроения» [Швырев 1988: 171]. Именно установление взаимоотношений (со знаками “+” или “-”) между различными субъектами научного сознания, точнее, между сознаниями различных субъектов, служит неявной предпосылкой смыслообразования [там же: 174-175]. Кстати, гипотетические посылки (как начальное обозначение в тексте нового знания) оказываются таковыми только потому, что, по мнению А.В.Славина, рядом с ними “имеются посылки, ис-

тинность которых уже установлена” [Славин 1976: 70], поэтому никогда не бывало никакого нового знания, которое до некоторой степени не определялось бы знанием, ему предшествовавшим. Более того, рациональным поведением человека управляет система ценностно-ориентировочных установок его сознания. Эта система основана на принятых в обществе правилах, нормах, схемах рационального поведения.

Итак, природа познания глубоко оценочна. Каковы же функции оценки в научном дискурсе? Выступая, как было отмечено, стимулом взаимодействия (динамики чередования) компонентов старого и нового знания, оценка пронизывает все моменты их переплетения, т.е. участвует в формировании и оформлении текстовых стыков научно известного с научно новым и контекстуально известного с контекстуально новым знанием. При этом оценка сопровождает все мыслительные действия автора: 1) действия, направленные на формирование *содержания нового знания* (онтологический аспект эпистемической ситуации); 2) действия, направленные на определение путей и способов решения научной проблемы (методологический аспект эпистемической ситуации); 3) действия, направленные на выражение в тексте личностного, авторского отношения к предмету мысли, а также действия, специально адресуемые автором предполагаемому читателю (аксиологический аспект эпистемической ситуации).

Понятие *эпистемической ситуации*, введенное в научный обиход М.П.Котуровой [Котурова 1988], сегодня широко используется в функциональных, в том числе функционально-стилистических исследованиях. Это понятие отражает обобщенное представление о комплексе экстралингвистических факторов, лежащих в основе познавательной деятельности и предопределяющих специфику стилистико-речевой организации научного текста.

При этом если оценка, как мы отметили, пронизывает все аспекты эпистемической ситуации, значит, она непосредственно участвует в формировании и выражении каждого познавательного действия, но главное – посредством оценки, явной или скрытой, осуществляется взаимосвязь этих действий, реализующихся в текстовой ткани как та или иная разновидность одного из компонентов знания, т.е. как научно/коммуникативно новое или научно/коммуникативно старое. К сожалению, объем жанра статьи не позволяет рассмотреть данный вопрос более или менее полно, поэтому покажем соотношение оценки и мыслительной динамики только на примере одного познавательного действия, формирующего онтологический аспект выражаемого в тексте научного

знания, а именно на примере **операции пояснения**.

Оценка смыслового пояснения – это оценка частного познавательного действия, направленного на фиксацию важности (необходимости, значимости) представления в конкретном фрагменте смыслового развертывания поясняющего аргумента в пользу высказанного положения.

Логическая операция пояснения понимается как прием, с помощью которого предмет определяется не вполне, а лишь в одном каком-либо отношении и с определенной целью (которая может состоять и в том, чтобы подготовить полное логическое определение). “Русская грамматика” 1980 г. дает следующую трактовку поясняющих отношений: “При собственно пояснении [...] два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету [...]. При этом первый и второй члены или дают разные названия одному и тому же [...], или первый член ряда уточняется, конкретизируется вторым [...], или второй член ряда служит раскрывающим перечнем [...]. Пояснение[...] разъясняет (толкует), конкретизирует или **оценивает**” [Русская грамматика 1980: 174. Выделено нами. – Н.Д.].

Для нас важное значение в данных утверждениях имеет мысль о том, что пояснение, “работающая” по принципу “о том же самом, но другими словами”, толкует предшествующий “член ряда”, тем самым с определенных позиций (обычно здесь реализуется точка зрения автора текста) выполняет по отношению к нему оценивающую функцию. Представляется, что пояснение – это и есть способ выражения оценки предмета речи в аспекте его иного понимания; это средство фиксации в тексте авторского **выбора** из многих познавательных действий **именно этого**, поясняющего действия. Посредством пояснений (как и посредством других познавательно-оценочных действий ученого) во многом происходит постепенная шлифовка тех или иных содержательных тонкостей (деталей) нового научного знания. Не случайно операция пояснения довольно частотна в научном тексте. С помощью таких операций ученый углубляет как собственное представление о рассматриваемом предмете, так и представление о нем читателя, прокладывая последнему одновременно и путь для более быстрого и легкого понимания содержания всей концепции в целом.

Что же касается утверждения о *неполноте* определения предмета речи в рамках операции пояснения (см. определение, данное Логическим словарем), то здесь прежде всего имеется в виду не частичное пояснение какой-либо мысли, а именно пояснение какой-либо ее части, когда

поясняющая оценка относится к слову, словосочетанию простого или части сложного предложения.

Обычно оценка при операции пояснения стимулирует движение мысли от компонента контекстуально известного знания к компоненту контекстуально неизвестного знания, однако чтобы определить место этих компонентов в системе научного знания (т.е. в рамках соотношения “старое – новое знание”) всего текста, необходим более широкий контекст.

Поясняющие высказывания преимущественно являются эксплицированными и вводятся в текст пояснительными союзами *то есть, а именно, именно, или*; вводными словами и словосочетаниями *иначе, значит, иными словами, иначе говоря, другими словами, лучше сказать, короче говоря, иначе выражаясь, в смысле*; односоставными и двусоставными конструкциями *Под [...]* *понимается, Под [...]* *мы понимаем* и т.п., а также частями сложноподчиненного предложения *Мы имеем в виду, что; В том смысле, что* и т.п. Например: [...] *нет и теории самого невозмущенного начального состояния, в том смысле, что нет теоретического вывода [...]; [...] механизм языкового порождения нацелен [...] на порождение целых высказываний, а не на алгоритм простого сложения слов. Другими словами, коммуникативная направленность высказывания [...]; Рассмотрение языка с той или иной, но одной стороны может раскрывать только одну, или поверхностную сторону языка, а именно его возможные особенности [...]; Под авторским словом понимается повествование [...]* и др.

Оценка при пояснении может оформляться в тексте и графическими средствами – скобками, двоеточием или тире, а также нередко случаи совмещения символического и вербального пояснения. Ср.: *В нашей работе рассматриваются отвлеченные (ментальные) концепты; Выше этот вопрос – как выражается идеологическая позиция автора в тексте, где авторский голос не звучит вовсе – был поставлен в связи с повествованием [...]; [...] литовский суперэтнос развивался параллельно с русским: находился в стадии пассивного подъема [...]; [...] изобразительность стиля самим своим наличием, своей интенсивностью, способами своей реализации (проще говоря, тем, в чем и как она проявляется) в конечном счете также характеризует повествователя [...]* и др.

В текстах точных наук оценка при пояснении часто осуществляется языком формул, ср.: *Согласно нашей гипотезе на начальный момент $t_0 = 10^{-43}$ сек порядок величин $\frac{1}{2}h_0^\beta a^{1/2}$ для всех мод всех трех типов должен быть одинаков. Иными словами, $c_2 h_0 \gg c_6 n \gg c_7 r_0 = f(n)$; Формула (4) по-*

зволяет оценить область в пространстве поперечных энергий, в которой находится большинство квазиканализированных электронов на глубине z : $0 < E < E^{max} = z d [1 + (1 + 2U_m / z d)^{1/2}]$ и др.

В процессе вербализации ментальной познавательной деятельности ученого оценка при пояснении может сливаться с оценкой, сопровождающей уточняющие познавательные действия, в результате чего одно и то же высказывание оказывается бифункциональным и выступает как уточняющее пояснение. Ср.: *Определение сознания в качестве идеального выражает специфическое содержание категории сознания, а именно: тот аспект содержания этой категории, благодаря которому она логически противопоставляется категории материи; Это достигается путем введения в язык новых правил, регулирующих или надсинтаксическую структуру временных членений (как в поэтическом языке), или форму языковой изобразительности, то есть способ построения описываемых ситуаций (как в художественной прозе); [...] для них характерно наличие “жестких” (отвечающих большим значениям частоты ω_0) оптических мод и др.* Выражаемая в первой части таких структур мысль оказывается не совсем понятной и ясной для читателя, поэтому во второй части высказывания она подвергается автором одновременно и содержательному сужению (уточняющей оценке), и содержательному расширению (поясняющей оценке), благодаря чему адресат получает возможность сопоставить содержание обеих частей и понять и ту и другую более четко и конкретно.

Интересны также случаи, когда поясняющее уточнение “сильно развивает” предшествующую мысль, в результате чего уточняемое обогащается содержательно, т.е. происходит прирост нового знания. Речь идет о моментах перехода поясняющих уточнений в собственно объяснение.

Приведем пример, где подчеркнутая часть предложения – это та главная содержательная новизна, ради которой, собственно, автором и предпринимается осложненное уточняющими и поясняющими отношениями объяснение. Однако в процессе объяснения выражаемая автором точка зрения (концептуально новое знание) расширяет свои смысловые границы, так сказать “обрастает” новизной посредством контекстуально нового знания (далее в примерах “новое знание” – НЗ): *Даже если усложнить язык, ←[уточнение (+НЗ)] кроме имен ввести другие разряды слов и добавить какие-либо правила, но оставить фиксированность языка, ←[пояснение] т.е. прекратить генерацию языковых средств, сохранится полное соответствие языка и мышления. ←[пояснение = объяснение (+НЗ)] (Это распростра-*

няется на всякий мертвый язык: ←[1-е уточняюще-поясняющее объяснение (+НЗ)] вследствие конкретной единичности конкретных значений мертвый язык всегда будет содержать конечное число высказываний. Живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченно-го числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний). ←[2-е уточняюще-поясняющее объяснение (+НЗ)] Это достигается благодаря особому механизму – механизму мета-языка.

Еще пример: *Всякий повествователь не только субъект, но и объект изображения, а повествователь “остраненный” – вдвойне или втройне: ←[1-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] читатель смотрит не только сквозь него на изображаемые события, но и на него и, лишь сопоставляя одно с другим и внося соответствующие поправки в толкование событий, предлагаемое рассказчиком, постигает собственно авторскую позицию. ←[2-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] Об этом очень хорошо писал М.М. Бахтин: “Автор осуществляет себя и свою точку зрения не только на рассказчика, на его речь и его язык... но и на предмет рассказа.*

В целом именно таков путь формирования нового знания в научном тексте: всякий фрагмент авторской концепции “прогоняется” через множество различных оценочных действий, в результате чего это новое, во-первых, формируется как целостность, во-вторых, становится максимально (насколько это возможно) понятным, ясным, конкретным и – что немаловажно в процессе восприятия объемных научных текстов – узнаваемым для читателя именно как авторское новое научное знание.

В заключение подчеркнем, что в динамике представления знания те или иные оценочные действия редко реализуются в чистом виде, чаще всего изложение в конкретном фрагменте предстает как семантически синкретичное познавательно-оценочное действие по отношению к предмету мысли.

Список литературы

Библер В.С. Сознание и мышление (Философские предпосылки) // Философско-психологические предположения школы диалога культур. М.: Наука, 1998. С. 13-87.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М.: Наука, 1985. 192 с.

Данилевская Н.В. “Знание” как объект исследования и механизм выражения познавательной деятельности в научном дискурсе. Разновидности “знания” // Стереотипность и творчество в

тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 196-204.

Ивин А.А. Теория аргументации. М.: Гардарики, 2000. 416 с.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. М.: Наука, 1983. 302 с.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 170 с.

Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев: Наукова думка, 1974. 207 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Наука, 1975. 304 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Наука, 1975. 253 с.

Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И. Принцип простоты и меры сложности. М.: Наука, 1989. 302 с.

Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Постигание versus понимание // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 855: Текст – культура – семиотика нарратива. Труды по знаковым системам XXIII. Тарту, 1989. С. 3-17.

Навозов В.Ф. Оценка, ее структура и роль в познании. В: Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1969. Вып. 5. С. 77-83.

Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 268 с.

Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1977. 222 с.

Русская грамматика. Синтаксис. Т. II. М.: Наука, 1980. 709 с.

Славин А.В. Проблема возникновения нового знания. М.: Наука, 1976. 294 с.

Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Наука, 1984. 232 с.

Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 176 с.

EVALUATION AS A COGNITIVE ACTION

Natalya V. Danilevskaya

**Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University**

The article gives grounds for the concept of intellectual evaluation and its function within scientific discourse. The substance of intellectual evaluation – its cognitive and emotive planes – is being studied. The author carries out complex analysis of scientific text from the aspect of text-forming function of intellectual evaluation.

Key words: cognitive action; scientific discourse; evaluation.